

МОЙ ЖРЕБИЙ ТАЙНЫЙ

(К 200-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ТОЛСТОГО)

Могучий и древний род Толстых дал России и миру много талантов, в особенности литературных: среди них возвышаются три фигуры – Алексея Константиновича, Льва Николаевича и Алексея Николаевича. Ни на минуту не принижая величественных алтарей двух последних, автор читаемых вами строк все же по неосознанному зову души отдает свои самые горячие симпатии первому Толстому – поэту, драматургу, сатирику и в высшей степени человеку благородной души.

В нем совместилось то, что не может не вызывать тяги к его личности и творчеству: будучи на равных с сильными мира сего, он не был подвержен соблазну упиться властью, а отдавая себя искусству, старался дойти «до корней, до сердцевины», как сказал много позже поэт XX века, стал уникальным явлением в литературе, воспроизведение которого и тем более подражание ему просто немислимо.

Он был другом будущего императора Александра Второго Освободителя с детских лет, девятилетним мальчиком сидел на коленях великого Гёте, его любили и всячески хотели дать ему выдвинуться на государственном поприще три его дяди: В. А. Перовский – генерал-адъютант императора Николая Первого, впоследствии военный губернатор Степного края, Л. А. Перовский, министр внутренних дел империи и А. А. Перовский, тоже высокий государственный сановник и

писатель, творивший под псевдонимом Антоний Погорельский, который сочинил специально для своего племянника сказку «Черная курица, или Подземные жители», столь любимую детворой и сейчас, в XXI веке. И вообще в его судьбе было много людей, искренне желавших возвысить его как представителя старинного рода,

как, выражаясь современным языком, «визитную карточку» высшего света. А он хотел быть «только художником», рассказать миру о своих открытиях в прошлом и настоящем, о переполнявших его пленительных образах, реализовать данный ему природой юмористическо-сатирический талант. Привлекала графа

А. К. Толстого перспектива изучать жизнь народа, научиться говорить и писать на языке простых людей, помогать, уж коли он приближен к престолу, лучшим представителям России, если они попадали в трудные обстоятельства. Так, пользуясь дружеским расположением императора, Толстой хлопотал о возвращении Шевченко из ссылки, освободил Тургенева из-под ареста, вступался за славянофила Аксакова, много сделал для смягчения судьбы Чернышевского. Афанасий Фет в конце жизни писал: «... Считаю себя счастливым, что встретился в жизни с таким нравственно здоровым, широко образованным, рыцарски благородным, и женственно нежным человеком, каким был покойный граф Алексей Константинович».

Поэт, несмотря на многовековую принадлежность его рода к высшей аристократии, был богатырского сложения и здоровья: запросто разгибал подковы и свертывал пальцами винтообразно зубцы вилок. Соответственно и первые его литературные опыты были в народном духе: его знаменитые «Колокольчики мои, цветики цветные», «Коль любить, так без рассудку», «Шумит на дворе непогода», сразу же положенные на музыку П. И. Чайковским и другими выдающимися композиторами.

С первых же лирико-эпических творений А. К. Толстой заявил о себе как о поэте особого музыкального лада, happily сочетающем очарование фольклора и высокий уровень письменной культуры.

Правда, он намеренно декларировал во многих своих вещах право на «дурные рифмы», на языковые вольности, смело сводил просторечие с книжностью, как бы жонглировал разными стихотворными размерами для создания не столько литературного, сколько устного, вербального эффекта. Это в какой-то мере сближает графа-поэта с нашими степными акынами-импровизаторами, которые считали главной своей задачей заворожить слух публики и через это обеспечить напряженное осмысление и оценку произведения. Не поэтому ли и первые, и многие последующие лирические шедевры А. К. Толстого удостоились аранжировки не только

Чайковским, но и Листом, Римским-Корсаковым, Рубинштейном, Рахманиновым? Около 150 стихотворений поэта положены на музыку – это своеобразный рекорд во всей русской, да и мировой поэзии.

Возвращаясь к казахской теме, следует отметить, что Алексей Константинович дважды за свою жизнь побывал в наших краях по приглашению своего дяди – оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского (в 1841 и 1851 годах).

В результате первой поездки он даже написал очерк «Два дня в Киргизской степи», опубликованный в одном из журналов. Думается, впечатления от путешествия по вольному

краю нашли отражение и в «Колокольчиках», где есть такие строки: «... киргиз-кайсак, с бритой головою, молча свой натянет лук, лежа под травой, и меня догонит вдруг медною стрелою». Не следует забывать, что именно в это время в степи между Волгой и Уралом отбушевало восстание под руководством Исатая – Махамбета, неудачей закончился поход многотысячной русской армии на Ак-Мечеть (ныне Кызылорда) и Хиву, а генерал Перовский наверняка делился своими тревогами по поводу положения во вверенной ему части державы с любимым племянником. Очень символично, что спустя много лет не кто иной, а именно граф А. К. Толстой на торжественном обеде в Одессе произнес пламенную речь о равенстве всех народов, населяющих Россию.

К. П. Брюллов. Портрет Алексея Толстого в юности (1836)

Несмотря на то, что служба отнимала много времени, Алексей Константинович плодотворно работал в различных жанрах: одно только перечисление его произведений, созданных в 40–70-е годы XIX века, заняло бы немало места.

Среди его вершинных творений надо назвать особо исторический роман «Князь Серебряный», драматическую трилогию «Смерть Иоанна Грозного» (куда помимо одноименной трагедии входят также «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис»), драмы «Дон Жуан», «Посадник», «Фантазия», поэмы «Иоанн Дамаскин», «Алхимик», «Портрет», «Дракон», повести «Упырь», «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет», блестящие сатиры «Сон Попова», «История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева...». А его участие вместе с братьями Жемчужниковыми в создании образа директора Пробринной палатки Козьмы Пруткова? До сих пор эта остроумнейшая и несущая в себе глубочайший смысл литературная мистификация не имеет себе равных во всей русской и, насколько мне известно, во всей мировой художественной словесности.

Литературная, да и личная судьба А.К. Толстого сложились не так счастливо, как может показаться поверхностному созерцателю его пути. В своей сатире он не щадил ни радикалов, ни почвенников, за что подвергался наскокам критики, одни его предвзято записывали в апологеты «чистого искусства», а другие узревали в нем крайне демократические, чуть ли не революционные убеждения. Между тем это был барин, искренне, с большой симпатией относившийся к простому народу, но весьма далекий от борьбы за его освобождение, от каких-либо бунтарских идей. Женился он поздно, но по любви, такой сильной, что не остановился перед решительными действи-

Софья Андреевна Бахметева, супруга Алексея Константиновича Толстого

ями мужа возлюбленной – конногвардейского полковника Миллера и отчаянными протестами матери, которую Алексей Константинович глубоко почитал. К тому времени его богатырское здоровье резко пошатнулось и пришлось ему вместо столиц подолгу жить на заграничных курортах, в своих имениях, где были написаны его лучшие произведения.

Эпические, прозаические и драматургические вещи занимают в творчестве А. К. Толстого значительное место. Но его в первую очередь величали и будут величать поэтом.

Откликаясь на волновавшие его нравственные и художественные проблемы, отыскивая в прошлом уроки для настоящего и будущего, он остался прежде всего гражданином пространства и времени, посредником между этим миром и иными мирами, певцом любви, певцом вечных истин и начал естества. В нем гармонично живут и лирик, и музыкант, и художник, и философ.

*О, не грусти, земное минет горе.
Пожди еще – неволя недолга, –
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!*

Вневременным, всеохватным и параллельно – очень личным веет от бессмертного стихотворения «Средь шумного бала, случайно...», ставшего любимым многими романсом, от таких шедевров, как «Не ветер, вея

с высоты», «Край ты мой, родимый край», «Что ты голову склонила?», «Есть много звуков в сердца глубине», «Прозрачных облаков спокойное движенье», «Как часто ночью в тишине глубокой».

А так передать природу в слове, как это умел А. К. Толстой, что возникает перед глазами яркое ощущение ее колорита в разное время года, удавалось немногим на протяжении веков:

*Вновь растворилась дверь
на влажное крыльцо,
В полуденных лучах следы
недавней стужи
Дымятся. Теплый ветер повеял
нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.*

Алексей Константинович Толстой значительно шире и глубже того явления, которое обрисовывают, говоря о нем, современные ему и нынешние либеральные критики и литературоведы.

Его трудно ввести в любой классификатор, причислить к тому или иному направлению, как это пытались делать и при его жизни, и после безвременной кончины. И он сказал о себе больше и определеннее многих пространных сочинений, посвященных ему:

*Двух станов не боец, а только
гость случайный,
За правду я бы рад поднять
мой добрый меч,
Но спор с обоими – досель
мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог
меня привлечь.*

Георгий ОЛЕНИН

АННОТАЦИЯ

Биыл орыс әдебиетінің классигі, өшпес поэзиялық, прозалық, драмалық шығармалардың авторы, қазақ тақырыбында қалам тербеген белгілі сатирик Алексей Константинович Толстойдың 200-жылдық мерейтойы аталып өтуде. Қайталанбас тұлғаның өмірі мен шығармашылығы жөніндегі көзқарасымен публицист және әдебиеттанушы Георгий Оленин бөліседі.